

Корреспонденции

Время года, а здесь? зловоние въ городѣ и вѣѣ, изрытыя дождевыми потоками съ глиною непролазною, глинистою грязью улицы, открытыя канавы, загрязненныя нечистотами окрестности, отравленная вода, поломанныя тротуары, отсутствіе мостовъ, фонарнаго освѣщенія (фонарей говорить, имѣется до 300 шт. въ городѣ и къ желѣзнодорожному вокзалу, для чего наняты управой двое фонарщиковъ съ платою по 8 р., въ мѣсяцъ; усебьюгъ-ли два человѣка вечеромъ зажечь, утромъ потушить, днемъ обрѣзывать горѣлки и налить керосиномъ 300 фонарей, разставленныхъ на протяженіи всего въ совокупности верстъ до семи?), опасеніе быть искусаннымъ собаками, нужда въ хлѣбѣ, мясѣ, маслѣ и прочихъ предметахъ первой необходимости.

Жители другихъ городовъ выѣзжаютъ на лѣто въ деревни, чтобы хотя на время избавиться отъ искусственности окружающей ихъ обстановки и отдохнуть среди естественной жизни на лонѣ природы; люди-же обреченные волею судьбы жить въ Хабаровскѣ, рады-бы сбѣжать отсюда именно изъ за «естественности» жизненныхъ условій, которыя простительны рѣзкѣ только глухимъ заброшеннымъ деревнямъ, куда не проникаютъ лучи свѣта и гдѣ все въ первобытномъ состояніи, гдѣ чловѣкъ живетъ одною растительною жизнью, не имѣя даже туманнаго представленія о жизни иной — культурной, современной, о жизни для общаго блага и пользы, о жизни сознательной. Нора-бы понять городскимъ дѣльцамъ, что теперь, когда великая мощь цивилизаціи достигла наконецъ и нашей далекой окраины, напоминая о себѣ свисткомъ паровоза, надо очнуться отъ вѣковой спячки, занесться энергіей, здраво и безпристрастно взглянуть на дѣло, отнестись къ нуждамъ города съ должнымъ вниманіемъ, настойчиво стремясь къ осуществленію намѣченныхъ цѣлей, ведущихъ къ благосостоянію ближняго, къ огражденію его интересовъ, здоровья, безопасности.

✓ с. 11

✓ САХАЛИНЪ 7 января.

Сахалинскій читатель, понимая подъ этимъ именемъ ту часть нашего интеллигентнаго общества, которая могла бы свободно прожить безъ книги и печатнаго слова, — это очень своеобразный типъ. По вѣшнему виду будто чловѣкъ конца 19-го столѣтія: грамотный, хотя и не особенно твердо, модно одѣтый, играетъ въ винтъ, пьетъ во здравіе и произноситъ даже спити, вообще кажется дитятею своего вѣка, но стоишь только пожелать его вывернуть на изнанку и вы серьезно рискуете здоровьемъ своихъ легкихъ и цѣлостію носа, до того много архивной пыли съ этимъ чтаніемъ.

Угодить публикѣ дѣло вообще не легкое, особенно когда рѣчь идетъ о ней самой или о мѣстѣ, которое эта публика населяетъ. Однако талантъ остается талантомъ хорошее или дурное станетъ онъ описывать въ данной средѣ, но прегъ судомъ нашихъ оригинальнѣхъ критиковъ, даже болѣе или менѣе извѣстные писатели, какъ г. Чеховъ, перестаютъ быть талантами, такъ какъ Сахалинцы основываютъ свое сужденіе не на сантиментальныхъ наблюденіяхъ профѣзжихъ туристовъ, а на многолѣтнемъ опытѣ. «Мы, дескать, жились, сроднились съ Сахалиномъ и отлично знаемъ, что здѣсь примѣнимо. Цѣна всѣмъ этимъ красивымъ, напыщеннымъ возвышенными идеями фразамъ, которыми такъ любятъ блеснуть господа писатели, на практикѣ грошъ, только кровь онѣ портятъ. Все-де у насъ коряво, грязно

нечистоплотно, а посмотрѣли бы мы какъ это у Вагъ было бы чисто!»

Г. Чеховъ писалъ давно, сравнительно очень давно, и потому память о немъ сохранилась смутная; но вотъ лѣтомъ 1897 года на Сахалинѣ побывалъ г. Дорошевичъ, сотрудникъ «Одесскаго Листка». Понятно, не ради только прогулки по морямъ и океанамъ предпринялъ онъ это путешествіе, а для изученія нравовъ и обычаевъ таинственнаго острова. Казалось, можно было бы ожидать, что и писать онъ станетъ о Сахалинѣ, а не с небѣ и звѣздахъ, видимыхъ съ Сахалина; но сахалинскій читатель думаетъ иначе, ему досадно, что г. Дорошевичъ пишетъ о всемъ, за исключеніемъ прекраснаго неба, климата и урожая на островѣ, да еще въ правахъ чиновныхъ людей находить не совсѣмъ человѣческіе образы. «Пусть пишетъ! Все равно ничего хорошаго не напишетъ. Это ужъ мы знаемъ» — и въ тонѣ, которыми произносились эти фразы, вскорѣ послѣ отъѣзда г. Дорошевича, слышалась нескрываемая досада. Дѣйствительно то, что написалъ г. Дорошевичъ, при всей скромности и мягкости въ характеристикахъ привилегированныхъ лицъ и явленій, можетъ привести въ ужасъ любого Россіянина. Вотъ одна такая характеристика, правда, пока и единственная въ фельстонахъ «Одесскаго Листка» до сихъ поръ увидѣвшихъ свѣтъ и увѣковѣчившихъ наши нравы и обычаи для памяти и назиданія потомству.

«Изъ пристани въ хорошенкомъ тулупѣ съ Георгіемъ въ петлицѣ и колосальными жгутами тюремнаго вѣдомства на плечахъ стоялъ, громогласно и молниеносно распорядился работами, бывшій редакторъ издатель газеты «Голосъ Москвы» и многихъ другихъ, В. Н. Б—въ. Вообразите себѣ геркулеса, вся грудь точно въ кольчугѣ — въ медаляхъ. Вотъ Вамъ важность этого стихійнаго человека. Онъ сѣлалъ въ компаніи, какія только были за его жизнь, вступилъ и вышелъ изъ военной службы рядовымъ, Онъ занимался всѣмъ и ничего не признавалъ въ умѣренныхъ размѣрахъ.»

Настоящій Сахалинецъ любитъ грандіозное, ненавидитъ умеренность и всякія рамки, хотя бы то были рамки законности. Дайте мы видимъ, что это г. Б—въ

«былъ владѣльцемъ огромнаго имѣнія, имѣлъ самое усовершенствованное, самое раціональное хозяйство, — и имѣніе самымъ раціональнымъ образомъ вытѣкло въ трубу. Затѣмъ имѣлъ огромный мыловаренный заводъ, гдѣ мыло и свѣчи должны были приготовляться особыми еще не виданными машинами. Но мыла и свѣчей, приготовленныхъ невиданными машинами, такъ никто и не увидѣлъ. Дайте мы видимъ его владѣльцемъ самой большой типографіи въ Москвѣ.... Типографія улетѣла туда же, куда улетѣло имѣніе вмѣстѣ съ мыловаренными заводами. Г. Б—въ былъ одновременно редакторомъ издателемъ четырехъ ежедневныхъ газетъ и издавалъ изъ нихъ одновременно три!!! Онъ bona fide, ничего не полоурѣвая, напечаталъ въ газетѣ «Жизнь» Пушкинскую «Пиковую даму» за произведеніе начинающаго литератора Нотена.»

Таковъ первый періодъ общественной извѣстности г. Б—ва

Современник.